

Холодный ветер пронизывал разбитые оконные рамы, задувая в покрытый пылью коридор. Ледяной холодок цементного пола сквозь одежду впивался в спину.

— Я это...

Фэн медленно открыл глаза. Сейчас он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, а его тело постепенно обретало чувствительность.

Память подсказывала, что он только что закончил свой отпускной день, а затем улегся в мягкую, уютную постель — что, очевидно, никак не вязалось с этим сырым коридором.

— Быть не может? И ощущение такое отчётливое... — Фэн слегка потёр лоб, пытаясь подняться. — Сон, что ли? Нет... Неужели я попал в другой мир? Кажется маловероятным... Лунатизм?

Аварийный светильник в конце коридора испускал слабый, нестабильный зелёный свет, отбрасывая мерцающие тени на потрескавшиеся стены.

И прямо там, в тени за поворотом, медленно шагнул стройный силуэт.

На нём была просторная тёмная толстовка с капюшоном, а длинные серо-голубые волосы были небрежно связаны в две пряди, свисающие на грудь.

Но больше всего привлекало внимание его лицо, сплошь покрытое швами — тёмные нити, похожие на жутких многоножек, пересекали переносицу и уголки глаз, насильственно сшивая лоскуты кожи с разной текстурой.

Его разноцветные зрачки мерцали в полумраке искривлённым предвкушением: левый глаз был прозрачным, как крыло цикады, а правый — погружённым во мрак.

— А... поймал.

Годжо Сатору склонил голову набок, швы под лунным светом казались ещё темнее. Он приподнял изящные пальцы, легонько коснувшись ими подбородка, и издал лёгкий, но лишённый всякого тепла смешок.

— С чего это этот тип такой знакомый... — Фэн слегка потёр лоб и, чуть приподнявшись, посмотрел на Годжо Сатору, в то время как его тело и сознание всё ещё постепенно прояснялись.

— Как странно, эта волна проклятой энергии... По ощущениям ты совсем не похож на сосуд с душой, скорее уж на сгусток текучей, красивой воды?

— Слышь, братишка, ты вообще кто?

Фэн недоумённо нахмурился, чувствуя при этом, что этот парень кажется ему смутно знакомым.

Годжо Сатору не стал приближаться сразу, а остановился в трёх шагах, слегка подавшись вперёд от любопытства.

Его глаза немигающе уставились перед собой, словно проказливый ребёнок обнаружил невиданную доселе изящную игрушку.

Чистое злорадство переплеталось с жадой исследователя, отчего окружающий воздух казался тяжёлым.

— Эй, меня слышно? Откуда ты вообще вылез?

Годжо Сатору высунул язык и облизал сухие губы, а его пальцы бессознательно сжались в пустом воздухе.

— Хотя понятия не имею, кто ты, но если тебя раздавить... наверное, удастся увидеть очень интересные краски?

Над коридором туча тихо укрыла луну. В прежде сухом воздухе вдруг словно бы забрезжила капелька сырого водяного пара.

— Этот человек... — Фэн лихорадочно соображал, одновременно ощущая жуткую, смертельную опасность.

— Твою мать, Годжо Сатору! Бежать!

Вместе с сорвавшейся с губ бранью Фэн резким движением оторвался от покрытого пылью цементного пола и, не раздумывая ни секунды, круто развернулся, бросившись бегом в кромешную тьму противоположного конца коридора.

Осколки стекла и старые шприцы на заброшенном полу разлетелись от торопливых шагов, издавая резкий звон в пустом пространстве.

Годжо Сатору, чья поза только что была непринужденной, в тот самый миг, когда эти два слова достигли его ушей, резко замер.

Его разноцветные зрачки под тусклым зелёным светом внезапно сузились, а затем невероятно

расширились.

Праздное любопытство, светившееся на дне глаз, сменилось фанатизмом, в котором смешались растерянность и абсурд.

Незнакомец, на котором не было никаких известных следов мира магов и чья циркуляция проклятой энергии напоминала стоячее болото, с первого же взгляда безошибочно назвал его имя.

— А?

Годжо Сатору издал короткий, застрявший на полуслове звук. Его наклоненная набок голова медленно выпрямилась, а взгляд впился в удаляющуюся спину впереди.

— Ха-ха... Ха-ха-ха-ха!

В следующую секунду безудержный смех оглушительно взорвался в тесном коридоре, полный жуткой, липкой и безумной энергии.

— В чём дело? Откуда ты знаешь моё имя?

Эй, так что ты вообще такое?

Годжо Сатору не стал бросаться в погоню. Стоя на месте, он резко вскинул правую руку.

Под неприятный звук разрываемых и заново срастающихся костей и плоти его прежде бледная и изящная рука в мгновение ока чудовищно раздулась и удлинилась, словно плавящаяся резина.

Кости на запястье прорвали кожу, превращаясь в толстый костяной хлыст с рядами шипов по краям.

Этот тёмно-красный костяной хлыст с нарушающей законы физики скоростью и силой, чиркая по потрескавшейся стене коридора, со свистом обрушился на мчавшуюся впереди спину.

— Грохот! —

Хлыст пронёсся мимо, содрав с одной стороны коридора огромный пласт штукатурки. Обломки камня и белая гипсовая пудра бурно взметнулись в воздухе, мгновенно заполнив весь проход.

Рассекающий тесное пространство хлыст источал тяжёлый запах крови и полностью

перекрывал пути к отступлению как влево, так и вправо, а свирепый свист рассекаемого воздуха преследовал бегущие ноги Фэна.

— Эй, не беги так быстро, остановись и ответь на мои вопросы.

А не то если ноги отрубят, от боли шагу ступить не сможешь!

Порыв ветра, поднятый костяной плетью, уже придвинулся вплоть до лодыжек, и поднятая потоком воздуха пыль колола кожу едва заметными уколами.

— Не может быть!

Тёмно-красный хлыст разорвал воздух с пронзительным визгом, от которого закладывало уши.

— Вжух! —

В тот самый момент, когда сорвался этот испуганный возглас, толстая плеть, усеянная шипами, с недоступной глазу скоростью пронеслась наотмашь.

Острые костяные лезвия без всякого сопротивления полоснули по ногам бегущего Фэна.

Однако глухого звука ломающихся костей, к которому он мысленно приготовился, не последовало; вместо этого возникло странное ощущение лёгкого сопротивления, словно острое лезвие рассекло напорный резервуар с водой.

Лишённое опоры тело под действием сильнейшей инерции резко подалось вперед, напрямую врезаясь в ветхое стеклянное окно в конце коридора.

— Звяк! Бац! —

Деревянная оконная рама разлетелась в щепки от мощного удара, и бесчисленные острые осколки стекла заблестели ледяным светом под мертвенно-бледным лунным светом, подобно разорванному граду.

Фигура Фэна полностью потеряла равновесие среди этих осколков и полетела вниз, в тёмный и заваленный мусором двор трёхэтажного здания.

В коридоре свирепый ветер внезапно стих.

Годжо Сатору остановился, и его безумная улыбка на мгновение замерла на лице.

Покрытый шипами костяной хлыст быстро втянулся назад, словно отливающий прибор. Издавая противный скрип трущихся костей, он вновь обратился в бледную, изящную человеческую руку.

Он медленно поднял правую руку, поднося ладонь к глазам.

В тусклом свете аварийного освещения коридора разноцветные зрачки Годжо Сатору слегка сузились.

На пальцах не было ни густой алой крови, напротив — несколько прозрачных капель собирались на его бледных кончиках пальцев, а затем с тихим шлепком падали на покрытый пылью цементный пол, оставляя после себя небольшое тёмное пятно влаги.

— ...Вода?

Он медленно потёр подушечкой большого пальца влагу, оставшуюся на указательном, слегка нахмутив бродивший во взгляде оттенок рационального анализа.

Только что он был абсолютно уверен, что точно отсёк цели ноги, но ощущения от обратной связи были совершенно неверными.

Не было ни тупого сопротивления рвущихся мышечных волокон, ни жесткости перерубленных сухожилий и костей, и уж тем более — соприкосновения с очертаниями какой-либо «души».

Ощущение было такое, будто он впустую рассек бурный водяной поток.

— Что-то не так. Тело обычного человека после рассечения ни за что не отреагирует подобным образом.

И к тому же... совсем не пахнет сладостью крови.

Годжо Сатору опустил руку, недоумение на его лице тут же сменилось ещё более сильным, почти болезненным жаром исследователя.

Он сделал шаг вперёд, игнорируя валявшиеся на полу обломки, и направился напрямик к оконной раме, в которой зиял огромный проём.

Ночной холодный ветер хлынул внутрь через пролом, растрепав его серо-голубые волосы.

Опершись обеими руками о подоконник, усыпанный деревянными занозами, Годжо Сатору высунул торс наружу, свысока глядя на заросший сорняками и заваленный старым медицинским оборудованием двор.

Падение с высоты третьего этажа вкупе с отрезанными ногами заставило бы даже мага разлететься на куски из-за отсутствия точки опоры для смягчения удара.

Но его чуткое восприятие уловило: внизу не раздалось ни хруста костей от падения человеческого тела на землю, ни мучительных стонов.

— Не галлюцинация и не простенький фокус с иллюзией...

— пробормотал Годжо Сатору, кончиком языка проводя по краю шва.

— Знает моё имя, нет ощущения души, а тело словно вода.

Вот как. Какая-то особая техника или совершенно неведомое создание?

Не колеблясь ни секунды, Годжо Сатору оперся одной рукой о подоконник, и его стройное тело, подобно ночной птице, выпрыгнуло в окно.

Следуя по траектории падения Фэна, он камнем полетел вниз, в глубокую темноту двора.

Тяжёлый удар не принёс с собой глухого звука раскалывающихся костей, сменившись глухим шлепком, похожим на падение тяжёлого предмета в глубокий омут.

Тело Фэна рухнуло в грязь и мгновенно потеряло устойчивую форму: большая часть конечностей брызнула во все стороны брызгами прозрачной чистой воды.

— Эээ... Не больно?

Под лунным светом лужица быстро сокращалась и извивалась, словно живая, вновь поднимаясь вверх и обретая человеческие очертания.

Вот только поднявшееся на ноги тело заметно исхудало по сравнению с тем, что было в коридоре: некогда сидевшая по размеру одежда теперь мешком висела на нём, источая слабость существа, лишённого внутренней опоры.

— Что за черт? Я что, попал в другой мир? — в голосе Фэна сквозило удивление, смешанное с тревогой и сомнениями.

Обломки и сухая трава плавали в лужах, и не успел этот тихий шёпот раствориться в ветру, как воздух над головой был насильственно разорван мощным давлением.

— Бух! —

Словно упавший с небес метеорит, Годжо Сатору приземлился обеими ногами на землю, и в тот же миг его правая рука превратилась в тонкий и острый шип, который со свистом, пробивающим звуковой барьер, сверху донизу прошил только что сформировавшееся тело.

Шип вонзился прямо в макушку и пошёл вдоль позвоночника, пригвоздив человека насмерть к влажной земле.

Никаких брызг крови, никаких мучительных криков.

В момент соприкосновения шипа с пронзённой частью туго натянутая плоть мгновенно стала прозрачной и превратилась в бурный водоворот, стремительно закрутившийся вокруг острия.

Следом это тело, подобно разорванному шёлку, само собой разделилось и растянулось в обе стороны от центра прокола.

«Физическое ядро», к которому его только что пригвоздили, в мгновение ока осуществило деконструкцию и самореорганизацию, и, словно проворная серебристая рыбка, выскользнуло из мёртвой зоны атаки Годжо Сатору.

Освободившееся от оков тело вновь собралось в нескольких метрах оттуда. В багровых глазах Фэна читался крайний испуг, а ноги уже снова несли его с бешеной скоростью, подстёгиваемой инстинктом выживания.

— Во всяком случае, это точно не сон! Бежать!

Годжо Сатору, всё ещё опираясь одной рукой о землю, медленно поднял голову.

Его длинные волосы развевались на ветру, а взгляд был прикован к быстро удаляющейся в высокой траве спине, в разноцветных зрачках пылал почти нездоровый азарт.

Он поскрёб пальцами землю, поднимая чуть влажную прохладу.

— Ого, просто потрясающе!

Годжо Сатору поднялся из глубокой воронки, отряхивая руки от грязи, а его тело слегка дрожало от избытка возбуждения.

— Хотя мне проткнули мозг и сердце, колебания души даже не сбились...

Вернее сказать, твоё «тело» само по себе состоит из какого-то потока проклятой энергии, окутывающего сознание? Такой структуре даже я бы позавидовал.

Он снова зашагал вперёд — шаг казался непринужденным, но каждый следующий сопровождался искажением формы.

В районе лодыжек у него проросли сильные задние лапы, похожие на насекомые, и каждый толчок оставлял глубокие трещины в грунте, пуская его вперед подобно сорвавшейся с тетивы стреле.

— Раз ты не умираешь, давай зайдем в нашей игре ещё дальше?

Мне хочется посмотреть: если этот твой пруд с водой высушить до дна или перелить в другой сосуд, покажешь ли ты снова...

Хмм, такое забавное выражение лица с «руганью на чём свет стоит»?

Руки Годжо Сатору вновь мутировали: на этот раз на кончиках всех пяти пальцев выросли тонкие цепи с зазубринами, выписывающие в воздухе зловещие дуги в попытке подцепить со спины истончившуюся фигуру.

Зазубрины на конце металлической цепи блестели под луной тёмно-синим холодным светом, когда они с хитроумным изгибом вонзились прямо в левое плечо Фэна.

— Плюх! —

Раздался глухой звук проникновения в плоть, сопровождаемый странным шумом фонтанирующей жидкости.

На разорванном крюком месте не было ни капли красной крови, лишь прозрачный чистый поток.

При резком рывке этой цепи крупный кусок «мяса» с плеча Фэна был грубо оторван от туловища.

Но в момент отрыва от тела эта материя полностью рассыпалась на сверкающие капли воды, после чего, описав дугу в воздухе, вновь влилась в пошатывающееся от потери равновесия тело.

Ноги Фэна оставляли на траве цепочку мокрых следов разной глубины.

Теперь это тело, казалось, истончилось ещё сильнее из-за колоссального расхода проклятой энергии, и прежде просторная одежда со свистом хлопала на бегу, создавая впечатление, будто скрытый внутри каркас постоянно уменьшается.

— Допустим, я и правда провалился в другой мир, тогда это наверняка эффект моей техники...

Думай же...

Продолжая бежать со сдвинутым центром тяжести, Фэн крепко нахмурился, а костяшки пальцев побелели от избыточного усилия.

— Вода... Никогда о таком не слышал. Какая она вообще, эта проклятая энергия? Я её вообще не чувствую!

Ах да, эмоции... прочувствовать эмоции внутри себя.

При попытке осознать эту абстрактную эмоцию по поверхности его внешне спокойного тела вдруг начали проступать тончайшие струйки холода.

Цементная земля под ногами в тот же миг показалась необычайно сырой, и даже окружающая сухая трава покрылась мельчайшими капельками росы от внезапной влажности.

Годжо Сатору легко приземлился на заброшенную скамейку менее чем в пяти метрах от Фэна, придерживая рукой спинку, а серо-голубые волосы дико метались на злом ветру по его лицу со швами.

— Ого, а выражение лица у тебя что надо.

В разноцветных зрачках Годжо Сатору отражалось постоянно регенерирующее и уменьшающееся в размерах тело впереди, а в голосе сквозило фанатичное упоение открытием истины.

— Пытаешься отыскать «это»? Страх, ненависть или дрожь перед неизведанным?

Он снова подпрыгнул, в воздухе его фигура исказилась, а руки превратились в две огромные веерообразные ловушки из искривленных мускулов, пытаясь окончательно загнать в сети непрерывно меняющую форму добычу.

— Проклятая энергия — это самый грязный и самый настоящий осадок, поднимающийся из пустоты души.

Но сможет ли такой чистый и прозрачный парень, как ты, породить столь тяжёлые эмоции?

Движения Годжо Сатору в этот момент стали невероятно быстрыми: превратив ноги в мощные копыта, он с каждым толчком оставлял воронки в земле.

Он стремительно приближался к убегающей под луной спине, а разноцветные глаза полыхали болезненной жадой анализа.

— Если сам найти не можешь, хочешь, я помогу?

Стоит только полностью искрошить твою «душу», как проклятая энергия по имени «отчаяние» непременно забьёт фонтаном!

Клинок, сотканный из костяных шипов, коварно вырвался из земли прямо по ходу движения, целясь в подошву бегущего Фэна.

Хрусь!

— Да когда же ты заткнешься?! — в отчаянии взвыл Фэн и тут же яростно отпрыгнул в сторону.

Острое костяное лезвие вылетело из почвы и влетело в ночное небо, едва не задев стремительный силуэт сбоку.

Пожалуй, если говорить о невезении, он был самым неудачливым попаданцем в истории: мало того, что забросило в Магическую битву без системы, так ещё на старте преследует проклятие особого уровня.

Но к счастью, у него имелась своя техника, и судя по всему, она работала как инвалидное кресло для побега.

Вместе с этим отчаянным возгласом стремительно исхудавшее тело за счёт импульса от бокового кувырка наотмашь врезалось в разбитое стеклянное окно коридора на первом этаже.

— Проклятье... Почему эти эмоции так быстро расходуются? —

Под грохот битого стекла бледный лунный свет выхватил то, во что превратился Фэн.

После нескольких резких смен агрегатного состояния и перерождений та одежда, что была на нём изначально, очевидно, никак не могла восстановиться силами столь странной техники.

Верхняя одежда исчезла полностью, обнажив хрупкую мальчишескую спину и бледную кожу, а штаны в нижней части напоминали результаты разъедания мощной кислотой — они висели в клочья и мокро липли к заметно уменьшившимся в объёме ногам.

— Будем считать, что я могу игнорировать физические атаки, а платой за это служит проклятая энергия... Значит, пока можно предположить, что моя техника связана с водой... Вода...

Фэн лихорадочно соображал, одновременно ускоряя шаг.

Его полуобнажённая, истерзанная фигура перекатилась по полу, смягчая падение, после чего он без малейших колебаний вскочил на ноги и во весь опор припустил к выходу из больницы.

Во дворе Годжо Сатору остановился.

Он не стал прыгать следом в окно, а остался стоять на месте, слегка прищурив разноцветные зрачки и спокойно наблюдая за удаляющимся хрупким силуэтом в полумраке коридора.

На лице со швами маниакальная улыбка постепенно сглаживалась, сменяясь жутким, почти академическим выражением холодного расчёта.

— Одежда исчезла...

<http://bllate.org/book/22036/2291103>